

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 105–110. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 105–110. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN FSDQSD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-105-110>

ОБРАЗ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ В ОЧЕРКЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА «ОТЕЦ КЛИМЕНТ ЗЕДЕРГОЛЬМ, ИЕРОМОНАХ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ»

Юдникова Алёна Александровна, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, alionaku1992@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7024-7098>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности художественного воплощения образа Оптиной Пустыни в очерке К.Н. Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни». Показывается, что образ Оптиной Пустыни, созданный в очерке Леонтьева, многогранен. В его структуру входит описание монастыря и окружающей его природы, а также образы иноков, формирующие художественную антропологию произведения. Композиционным центром очерка становится образ о. Климента. В статье отмечается, что отношение автора к Оптиной Пустыни, его убеждение в ее исключительной духовной роли для православного мира художественно воплощается, в частности, в лексическом наполнении очерка. В работе проводится сопоставление художественного воплощения образа Оптиной Пустыни в очерке Леонтьева и в романе Достоевского «Преступление и наказание». Оно позволяет заключить, что Достоевский, наделяя образ монастыря сакральным смыслом, лишает его той живописности и поэтичности, которые присутствуют у Леонтьева. Делается вывод о том, что очерк Константина Леонтьева в определенной мере приближается к жанру эссе. Он имеет особую, синкретичную природу и представляет собой ценность не только с точки зрения идейно-философского содержания, но и как оригинальное художественное произведение, в котором отражаются эстетические взгляды писателя, его религиозные искания и философские воззрения. Созданный Леонтьевым образ Оптиной Пустыни может быть включен в ряд ключевых топосов, определяющих самосознание русской литературы.

Ключевые слова: художественный образ, Оптина Пустынь, монастырь, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, художественный образ, очерк, категория пространства.

Для цитирования: Юдникова А.А. Особенности художественного воплощения образа Оптиной пустыни в очерке К.Н. Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 105–110. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-105-110>

Research Article

FEATURES OF THE ARTISTIC EMBODIMENT OF THE IMAGE OF OPTA'S HERMITAGE MONASTERY IN THE ESSAY "K.G.A. SEDERHOLM, FATHER CLEMENT, HIEROMONK OF OPTA'S HERMITAGE" BY KONSTANTIN LEONTIEV

Alena A. Yudnikova, Kostroma State University, Kostroma, Russia, alionaku1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7024-7098>

Abstract. The article discusses the features of the artistic embodiment of the image of Opta's Hermitage Monastery in the essay "K.G.A. Sederholm, Father Clement, hieromonk of Opta's Hermitage" by Konstantin Leontiev. It is shown that the image of Opta's Hermitage, created in Konstantin Leontiev's essay, is multifaceted. Its structure includes a description of the monastery and the nature surrounding it, as well as images of monks that form the artistic anthropology of the work. The image of Father Clement is necessary to mention. The article notes that the author's attitude to Opta's Hermitage, his belief in the monastery's exceptional spiritual role for the Orthodox world is artistically embodied, in particular, in the lexical content of the essay. In addition, the work compares the artistic embodiment of the image of Optina Hermitage in Konstantin Leontiev's essay and in Fyodor Dostoevsky's novel Crime and Punishment. It allows us to conclude that Fyodor Dostoevsky, endowing the image of Opta's Hermitage with a sacred meaning, deprives it of the picturesqueness and poetry present in Konstantin Leontiev's essay. The article concludes that Konstantin Leontiev's essay to a certain extent approaches the essay genre. It is of special, syncretic nature and is of value not only in terms of ideological and philosophical content, but also as an original work of art reflecting the aesthetic views of the writer, his religious quest and philosophical views. The image of Opta's Hermitage created by Konstantin Leontiev can be included in a number of key topoi that determine the self-awareness of Russian literature.

Key words: artistic image, Opta's Hermitage, Monastery, Konstantin Leontiev, Fyodor Dostoevsky, artistic image, essay, category of space.

For citation: Yudnikova A.A. Features of the artistic embodiment of the image of Opta's Hermitage Monastery in the essay "K.G.A. Sederholm, Father Clement, hieromonk of Opta's Hermitage" by Konstantin Leontiev. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 105–110 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-105-110>

А.П. Чехов писал: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец» [Чехов: 165]. Жизненный путь К.Н. Леонтьева позволяет убедиться, что он, как «истинный мудрец», прошел это «громадное поле» от точки «нет Бога» до абсолютной веры в то, что «есть Бог». На этом пути Леонтьеву удалось продолжительное время прожить на Афоне. В России писатель много времени проводил в Оптиной Пустыни и после ухода в отставку поселился недалеко от монастыря.

На протяжении всего XIX в. Оптина Пустынь привлекала к себе творческую интеллигенцию. Монастырь был основан еще в XVI столетии, постепенно в нем получает развитие и широкое распространение старчество. Бывал там неоднократно Н.В. Гоголь. С оптинским старцем Амвросием беседовал Л.Н. Толстой. Оптиной Пустыней интересовался и Ф.М. Достоевский, который посетил ее вместе с философом В.С. Соловьевым, чтобы лично познакомиться с великими старцами, увидеть монастырскую жизнь. В дальнейшем Достоевский создаст идеальный образ «русского инока» в романе «Братья Карамазовы». Так небольшой монастырь, ставший духовным центром русского православного мира, был запечатлен на страницах великого романа и предстал весьма значимым художественным образом-символом [Лосский].

С имени иеромонаха Леонида открывается история великих Оптинских старцев, которые были духовными наставниками не только для монастырской братии, но и для мирян. По благословению о. Макария начинается интенсивная переводческо-издательская деятельность, в которой принимают участие оптинские монахи и светские писатели. С личностью о. Макария в сознании русских людей связывается образ православного русского старца. Но наиболее полным воплощением оптинского старчества становится о. Амвросий, который перешел на другую ступень «Умного Делания». Эта форма старчества отвечала русскому менталитету, в котором христианские ценности и жизнь по законам Христовым не ограничивались монастырскими стенами, а всегда стремились проникнуть в мир, что отвечало идее «монастыря в миру», то есть мессианской роли церкви [Феномен русского старчества: 107].

Леонтьев был непосредственно связан с Оптиной Пустыней, довольно долгое время он приезжал в монастырь за духовным успокоением и для обще-

ния со своим другом отцом Климентом. Еще в детстве Леонтьев часто бывал в Оптиной вместе с матерью и, по воспоминаниям, был готов остаться там навсегда, так ему было легко и отрадно в этом месте [Леонтьев 2003: 185]. Зрелая жизнь, государственная карьера, консульские дела несколько отдалили Леонтьева от веры. Но болезнь и обет, данный им на пороге смерти, заставили вернуться на путь, видимо, уготованный философу и писателю свыше. Эта тесная связь с монастырем, а также путь исканий и открытый отразились в очерке 1879 г. «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни», посвященном другу и в какой-то степени наставнику о. Клименту.

Литературное наследие Леонтьева традиционно рассматривается в русле философской мысли (А.И. Абрамов, А.А. Александров, Н.А. Бердяев, К.М. Долгов, П.Ю. Иваск, И.М. Концевич, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев и др.). А названный выше очерк упоминается исследователями исключительно как источник для изучения биографии Леонтьева и как свидетельство его близкой дружбы с о. Климентом (Л.Р. Авдеева, Н.В. Дамье, Г.М. Дрожбева, А.Я. Кожурин, И.М. Концевич, А.В. Королев, Н.А. Рабкина). Нам представляется возможным рассмотреть очерк «Отец Климент Зедергольм...» не только как иллюстрацию философских взглядов Леонтьева, но и как литературное произведение с ярко выраженным художественным началом. Целью данной статьи и будет выявление особенностей художественного воплощения образа Оптиной Пустыни.

Образ Оптиной Пустыни, созданный в очерке Леонтьева, многогранен. В его структуру входит субъективно-лирическое описание монастыря и окружающей его природы. Автор не скрывает своего восторженного отношения к монастырю. Он с искренним и трепетным чувством говорит об устройстве монастырской территории: «Надо заметить, что помимо всех собственно духовных сокровищ Оптиной самый вид этой пустыни привлекателен и действует на воображение людей даже и вовсе не особенно набожных» [Леонтьев 2003: 256]. Далее Леонтьев рисует прекрасную панораму, которую может наблюдать любой, кто приедет в монастырь. Но для Леонтьева этот вид не только привлекателен, он «успокоителен, величав» [Леонтьев 2003: 256].

Описание Оптиной начинается с пространственной характеристики этого места: взгляд писателя

не сосредоточен на одной точке, автор пытается охватить окружающее его пространство полностью: «Сзади эта бесконечная синева векового бора, теряющаяся вдаль. Вблизи эти исполинские сосны и ели, перемешанные с чернолесьем, спереди обширные луга, реки, рощицы вдаль, этот городок в стороне, как-то кстати напоминающий и о “мирской жизни”» [Леонтьев 2003: 257]. Вместе с писателем мы устремляем свой взгляд то в глубокие дали, то рассматриваем более близкие детали пейзажа. При этом автор подчеркивает гармоничность картины: по Леонтьеву, в этом месте все устроено «кстати», то есть так, как и должно быть. Вековые деревья соседствуют с монастырем, местом духовного просветления человека, но здесь же, вблизи, находится городок с его земной суетой. Городок несравнимо мал в соотношении с исполинскими соснами. Этим соотношением городка и вековых деревьев, расположенных близ Оптиной Пустыни, автор показывает суетность и временность земной жизни и бесконечность духовной.

Для создания пейзажа Леонтьев использует прием контраста. Возникает следующий изобразительный ряд: бор – река – луга. От заполненного пространства (бор, синева бора, исполинские сосны и ели, чернолесье) писатель переходит к бескрайнему (луга, река, рощицы). Лексемы в описании внешнего окружения Оптиной Пустыни создают картину, ассоциирующуюся с представлениями об исконно русском пейзаже. Это описание позволяет не только живо представить природное пространство Оптиной, но и задуматься над подтекстом, заключенным в пейзажных зарисовках. Вековые деревья, исполинские сосны и ели символизируют величие, важность, вечность духовного значения оптинского монастыря и православия вообще. Наличие же обширных лугов, рощиц и рек, которые говорят о безграничности пространства, показывает и бесконечность православной истинной веры, сосредоточенной в Оптиной Пустыни.

Авторское отношение к Оптиной, его убеждение в ее исключительной духовной роли для православного мира художественно воплощается, в частности, в лексическом наполнении очерка. Писатель употребляет эпитеты в форме кратких и полных прилагательных: «вид чрезвычайно красив», «успокоителен», «величав» и т. п. Также на уровне лексики заметно довлеющее господство духовного над мирским. Если для описания обители задействованы лексические единицы со значением величия и безграничности, то при пейзажной зарисовке города Козельска используются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «городок», «рощицы», «домики».

Далее появляется не менее живописное описание скита. При этом Леонтьев снова подчеркивает особую роль этого места, говоря о том, что «...к нему

идет убитая щебнем дорожка в тени великолепных деревьев. Главная дорожка случайно или по верному художественному чувству распорядителей идет не совсем прямо, а чуть заметно уклоняясь в сторону; от этого скит долго не виден, но потом вдруг из чащи предстают вам скитские ворота» [Леонтьев 2003: 257]. Таким образом, скит укрыт деревьями от глаз прихожан, но оттого еще более радостной становится минута прибытия к этому месту. Описывая ворота скита, Леонтьев снова указывает на гармоничную устроенность Оптиной Пустыни и особое значение угадывает даже в цвете скитских ворот. «Они имеют вид как бы небольшого храма, розового цвета, с одною белою главой наверху. Самый выбор этих цветов чрезвычайно удачен. Это так “тепло” и красиво, и летом в густой зелени леса, и зимой в снегу, из которого поднимаются суровые ели и сосны с их огромными, снизу грубо-чешуйчатыми, а наверху нежно-планшевыми мачтовыми стволами» [Леонтьев 2003: 258].

Леонтьев за эстетическим идеалом всегда старался увидеть и этический идеал. В этом смысле образ Оптиной Пустыни, представленный им в очерке, весьма показателен, так как в нем органично слились эти два начала. В описании скитских ворот в полной мере проявилась поэтическая натура писателя. Такое гармоничное устройство территории и общий вид монастыря мог заметить только человек с тонким чувством прекрасного. По мнению И.С. Тургенева, Леонтьев обладал тонким ощущением эстетики окружающего мира и чуткостью к художественному слову [Тургенев: 7].

Для Леонтьева важна была не только эстетика, но и гармония, в которой сосуществуют этический, нравственный, духовный идеал и прекрасное его воплощение. Таким образом, философские идеи Леонтьева складывались на основе не только религиозных и позитивистских воззрений, но и на почве эстетики. Во время своего обучения в университете он в законах естественных наук видел закономерности развития всего мироздания, но был убежден, что постичь их можно, только опираясь на эстетическое мировосприятие. С.А. Левицкий в «Очерках по истории русской философии» писал: «Он был одним из самых блестящих стилистов в истории русской мысли. <...> По натуре он был утонченный эстет и эпикурец. В то же время он был глубоко и истово религиозным человеком. Борьба эстета с монахом составляет главную личную драму его жизни» [Левицкий: 287]. Для Леонтьева поэзия способна представить мир глобально, связать воедино все факты, которые в науке рассматриваются отдельно и никогда не представляют целостной картины. При этом главной задачей является выработка этого единичного, то есть уникального в себе, так как это путь

к прекрасному: «Нужно много грубых камней, чтобы найти в них жилку золота; нужно множество розовых листьев, чтобы выработать одну ложку дорогого душистого масла» [Леонтьев, 2016: 65]. Эстетика, по Леонтьеву, несет в себе «непридуманное содержание», в то время как «сухость» науки уводит человека от художественного мировосприятия, а значит, от возможности увидеть целостную картину бытия [Чернавский: 86]. По мнению Леонтьева, самым сложным становится уход от чрезмерного влияния научного знания, то есть выход за рамки рационального осмысления бытия. Для художника же важно «не потеряться в мелочах красивого реализма», а выйти «на простор широких линий», увидеть полноту жизни во всех ее проявлениях, не замыкаться только в философском или естественнонаучном восприятии мира, но чувствовать поэтико-художественную его основу. [Леонтьев 2003: 69]. В описании Оптиной Пустыни с особой силой проявляет себя эстетическое начало в миропонимании Леонтьева. Категория пространства становится ключевой в очерке. Она включает в себе не только эстетический, но и этический, философский императив писателя.

Специфика интерпретации образа Оптиной Пустыни, представленная в рассматриваемом леонтьевском произведении, становится более отчетливой при его сопоставлении с романом Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Очерк Леонтьева был опубликован впервые в «Русском вестнике» в 1879 г. Почти одновременно с ним выходит и названный роман Достоевского. Примечательно, что оба писателя почти параллельно обращаются к образу Оптиной Пустыни, являющемуся одним из ключевых топосов этнопоэтики и выражающему русское самосознание. Но в контексте произведений Леонтьева и Достоевского данный образ обретает различное смысловое наполнение. Достоевский лишает образ оптинского монастыря той живописности и поэтичности, которые присутствуют в очерке Леонтьева. При этом монастырь у Достоевского становится идеологическим центром романа. Фокус внимания автора смещен с внешней картины на внутреннее идейно-религиозное содержание монастырской жизни. Выражения субъективно-авторского отношения непосредственно к монастырю и к тому, что его окружает, мы также в романе не найдем. Может быть, поэтому некоторые исследователи считали, что «духу Оптиной Достоевский остался чужд» [Концевич: 355]. На наш взгляд, Достоевский действительно не ставил своей задачей передать в романе «дух» оптинского монастыря. Но, тем не менее, он стремился подчеркнуть исключительную роль этой святыни в духовной жизни России, ставшей сердцем русского православия и вдохновлявшей людей, искренне стремящихся к идеалу Христа (психологического склада Алёши Карама-

зова). В очерке Леонтьева превалирует субъективно-авторское восприятие монастыря, при этом художественные функции этих топосов совпадают. Оба писателя стремятся на страницах своих произведений вывести идеальный мир, в котором гармонично сосуществуют человек, природа и Бог. Но для Леонтьева символическое значение Оптиной Пустыни связано с личным спасением каждого. Замысел же Достоевского связан с глобальным спасением человечества. В очерке «Отец Климент Зедергольм...» через образ монастыря показывается путь к спасению отдельной души. Неслучайно Леонтьев вводит в структуру символа Оптиной и свою художественную антропологию, центром которой становится образ о. Климента. Описывая своего друга, немца по происхождению, ставшего монахом в русском монастыре, несмотря на то, что отец его был пастором в протестантской церкви, Леонтьев не просто отдает дань памяти своему близкому человеку, а создает образ «замечательного инока», являющегося главным композиционным стержнем очерка. Об этом свидетельствует большой повествовательный отрезок, говорящий о назначении, образе жизни и мыслях монаха. Очерк Леонтьева во многом полемичен роману Достоевского «Братья Карамазовы» и образу старца Зосимы в нем. А в 1882 г. писатель открыто критикует «розовое христианство» Достоевского в брошюре «Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой» (1882 г.). Так, в художественном образе о. Климента преломляется индивидуально-авторское понимание основ православной веры. По Леонтьеву, истинное христианство заключается не в призыве к иррациональной любви ближнего, а в ежеминутном самоконтроле, «понууждении» и «трепетании греха», и только потом – обретение этой чистой христианской любви, лишенной эгоизма, но наполненной состраданием ко всем людям.

В очерке «Отец Климент Зедергольм...» о старчестве писатель упоминает редко и в контексте сравнения с монашеством. При этом у Леонтьева мы находим и образ старца Амвросия, и образ старца Леонида, а также короткие жизнеописания старцев, над которыми работал сам о. Климент. В произведении присутствуют сцены общения старца с прихожанами: показана согбенная фигура старца Амвросия, разнословная толпа у ворот скита, желающая если не поговорить, то увидеть старца. У Леонтьева старчество представлено еще и фигурой старца Леонида, который вывел старчество за ворота монастыря и позволил мирянам обращаться к старцу за советом или утешением. Этот феномен оптинского старчества является важным для создания монастырской атмосферы.

Сопоставляя два явления в русском монастыре: старчество и катехизаторство, Леонтьев создает дву-

плановый художественный образ Оптиной. Несмотря на то, что Оптина Пустынь славится своими старцами, иной род монахов в ней также имеет место быть. Частным представителем такого типа монашества становится отец Климент, монах-аскет, который является, как и сам Леонтьев, приверженцем строгого послушания и трепетания греха.

Специфика воплощения образа Оптиной Пустыни позволяет говорить о жанровом своеобразии очерка Леонтьева. На данный момент в литературоведении нет единого подхода к определению типологических черт этого жанра. Некоторые теоретики литературы относят очерк к внеродовым жанровым формам. Другие литературоведы ставят очерки в ряд эпических жанров. Они подчеркивают: «внимание авторов сосредоточено на внешней реальности. <...> Однако в очерках событийные ряды и собственно повествование организующей роли не играют: доминируют описания, нередко сопровождающиеся рассуждениями» [Хализев: 226]. Основой очерка становится повествование о событии, которое преподносится в описательном ключе и создается «с натуры», то есть вымысел тут не играет значительной роли, как, скажем, в жанре рассказа. При этом в очерке присутствует ярко выраженный лирический элемент и отчетливо проявляется авторское «я». Подчас изображаемое событие субъективно окрашено, и это необходимо для того, чтобы транслировать мысль писателя.

Кроме того, очерк за свою долгую историю существования в русской литературе прошел некоторую жанровую трансформацию, в связи с чем были предприняты неоднократные попытки типологической классификации и характеристики этого жанра. На наш взгляд, одну из наиболее удачных классификаций предложил Г.Н. Поспелов. В своих работах он выделяет художественные, публицистические и документальные очерки [Поспелов: 43–44]. В публицистических и документальных очерках главное место занимают авторские рассуждения, в которых ярко выражен аналитический принцип. В художественных очерках – факты и явления жизни творчески типизированы, обобщены, эмоционально сфокусированы. В них автор ярко проявляет себя, поэтому для таких очерков характерны «активность его обобщающей мысли, выразительность и колоритность его речи» [Поспелов: 125]. Несомненно, очерк «Отец Климент Зедергольм...» относится к художественному типу очерков. При этом содержание очерка не исчерпывается субъективно-художественным планом повествования, большое значение приобретают религиозно-философские взгляды писателя, которые находят свое отражение и в образе монастыря, и в персонализации этого образа через упомянутых в очерке иноков, в большей степени отца Климента. Так, в произведении воплощаются как бы две ипоста-

си Константина Леонтьева: художника-эстета и философа. С другой стороны, очерк приобретает также черты эссе, для которого «характерны философски углубленное осмысление текста, бессюжетность, хаотичность (спонтанность) траекторий композиционно-речевого движения, а нередко импрессионистическая музыкальность прозы» [Кайда: 20]. Религиозно-философская направленность произведения дает нам право говорить о жанровом синтетизме и, возможно, появлении новой формы, на стыке художественной, публицистической и религиозной литературы.

Список литературы

Кайда Л.Г. Эссе как жанр в литературе и публицистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2008. № 4. С. 19–24.

Концевич И.М. Оптина Пустынь и ее время. Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева лавра; Владимир. епархия, 1995. 607 с.

Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии и общественной мысли. СПб.: Канон, 1996. 496 с.

Леонтьев К.Н. Мои дела с Тургеневым и т. д. (1851–1861 гг.). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 117 с.

Леонтьев К.Н. Полное собр. соч.: в 12 т. / редкол.: В.А. Котельников (гл. ред.) и др. СПб.: Владимир Даль, 2003. Т. 6, Кн. 1: Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1891 гг. 817 с.

Лосский В.Н. Оптинские старцы. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/optinskie-startsy/#0_5 (дата обращения: 07.12.2021)

Поспелов Г.Н. История русской литературы XIX века: (1840–1860 гг.). М.: Высшая школа, 1981. 480 с.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 4: Письма, 1859–1861. 767 с.

Феномен русского старчества: Примеры из духовной практики старцев / сост. и вступ. ст. С.С. Хоружего. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с.

Хализев В.Е. Родовая принадлежность произведения // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2000. С. 223–228.

Чернавский М.Ю. Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 94 с.

Чехов А.П. Записные книжки. Дневники / под ред. В. Вестерман. М.: Зебра-Е, 2020. 448 с.

References

Kaida L.G. *Esse kak zhanr v literature i publitsistike* [Essay as a genre in literature and journalism]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistska* [Bulletin of Moscow University. Episode 10], 2008, № 4, pp. 19–24. (In Russ.)

Kontsevich I.M. *Optina Pustyn' i ee vremia* [Optina Pustyn and its time]. Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ., 1995, 608 p. (In Russ.)

Levitskii S.A. *Ocherki po istorii russkoi filosofii i obshchestvennoi mysli* [Es-says on the history of Russian philosophy and social thought]. Saint Petersburg, Kanon Publ., 1996, 496 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Moi dela s Turgenevym i t. d.* (1851–1861 gg.) [My affairs with Turgenev, etc. (1851–1861)], K.N. Leont'ev. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2016, 117 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobr. soch.: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols.], ed. by V.A. Kotel'nikov (gl. red.) i dr. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2003, t. 6, kn. 1: *Vospominaniia, ocherki, avtobiograficheskie proizvedeniia 1869–1891 gg.* [vol. 6, iss. 1: Memoirs, essays, autobiographical works, 1869–1891], 817 p. (In Russ.)

Losskii V.N. *Optinskie startsy* [Optina Elders]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/optinskie-startsy/#0_5 (access date: 07.12.2021). (In Russ.)

Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.: Pis'ma: v 18 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Mos-

cow, Nauka Publ., 1987, t. 4: *Pis'ma, 1859–1861* [vol. 4: Letters: in 18 vols. Letters, 1859–1861], 767 p. (In Russ.)

Fenomen russkogo starchestva: Primery iz dukhovnoi praktiki startsev [The Phenomenon of Russian Eldership: Examples from the Spiritual Practice of the Elders], comp. S.S. Khoruzhego. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2006, 272 p. (In Russ.)

Chernavskii M.Iu. *Religiozno-filosofskie osnovy konservatizma K.N. Leont'eva*: dis. ... kand. filosofskikh nauk [Religious and philosophical foundations of K.N. Leontiev's conservatism: DSc thesis candidate of philosophical sciences]. Moscow, 2000, 194 p. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Zapisnye knizhki. Dnevnik* [Notebooks, diaries], pod red. V. Vesterman. Moscow, Zebra-E Publ., 2020, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 27.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.